

Он «грезил» Чеховым и Шекспиром

Не стало Кеннета Макмиллана, выдающегося английского хореографа, в течение последних двадцати лет руководившего Королевским балетом «Ковент-Гарден».

Говорит Нина Ананишвили:
— У него была репутация человека замкнутого, с очень тяжелым характером, но мы с Алексеем Фадеечевым такого Макмиллана не знали.

Познакомились мы с ним два года назад, когда нас пригласили в «Ковент-Гарден» выступить в «Принце пагод» — его последнем (теперь уже навеки последнем) «полнометражном» трехактном балете. Сложная музыка Бриттена, очень сложная, непривычная хореография: необычные поддержки, вращения — обещали серьезное испытание. Ко всему прочему нас еще предупредили, что Макмиллан не появится вплоть до самых последних репетиций, то есть будет оценивать всю работу разом и вносить какие-то свои коррективы. Но он появился уже на первой и больше с нами не расставался. Шаг за шагом «прошел» с нами весь балет, не просто показывая движения, но «рассказывая» их, подробно объясняя, что скрывается за ними, какими эмоциями вызваны они к жизни. Так работать с хореографом мне еще не приходилось. У меня было ощущение, что это не ввод, что на меня как бы заново ставится балет. Дебют наш прошел очень успешно, и Макмиллан горячо поздравил нас с победой.

Видимо, ему действительно понравилось, как мы выступали, потому что через некоторое время последовало новое приглашение. В этом году — премьера состоялась в июне — он перенес на сцену «Бирмингем Ройал балле» свой балет «Ромео и Джульетта». Премьер-

ные спектакли танцевали мы с Алексеем. А всего было пять составов, и Макмиллан все так же скрупулезно работал с каждым.

Возможно, он и был суровым и недоступным. Возможно, нам просто повезло — мы с ним подружились. Когда бы ни приезжали в Лондон, всегда бывали у него в гостях. С ним можно было и посоветоваться, и от души посмеяться. Он говорил нам: «Не называйте меня сэр Кеннет — просто Кеннет» и прямо-таки светился добротой. Во время августовского путча мы были на гастролях. Но вскоре вернулись в Москву, и тут же позвонил Макмиллан: «Что у вас происходит? Все ли с вами в порядке?»

Его всегда очень интересовало, что у нас в стране происходит, в том числе, разумеется, и в нашем искусстве. Он очень любил Большой театр. Первые гастрольные гастроли в Англии в 1956 году произвели на него огромное впечатление, и с тех пор всякий раз, когда наша группа приезжала в Лондон, он бывал на всех спектаклях. А тогда, в 56-м, он не мог оторвать глаз от Галины Улановой — Джульетты. И тогда-то и появилась у него идея самому «рассказать» историю шекспировских героев.

«Ромео и Джульетта» Макмиллана — великолепный балет, очень любимый и публикой, и артистами. В нем блистали Марго Фонтейн и Рудольф Нуриев, Наталья Макарова... Чудесный и не менее знаменитый балет «Манон» на музыку Массне. Недавно Манон станцевала в «Ковент-Гарден» «звезда» Ма-

рийнского театра Алтынай Асылмуратова. Она была счастлива, что в ее репертуаре появилась эта партия. Думаю, все артисты, работавшие с Макмилланом, были очень рады встрече с ним. Например, Ирек Мухамедов. Ох, как ему повезло! Макмиллан поставил на него «Зимние грезы» и «Иудино дерево».

Макмиллана нет, но есть его балеты. Уверена, что они будут всегда, не устареют. Потому что он выносил на сцену настоящую любовь, ревность, тоску, настоящие смех и слезы. Его балеты в изображении страстей человеческих не уступают драме. И это, кстати, роднит его с нашим балетным искусством.

А еще Макмиллан имел обыкновение удивлять. Английская публика, как известно, довольно консервативна — удивляясь, она возмущалась. Новшества Макмиллана порою подвергались очень резкой критике. Но проходило время, и становилось ясно, что он опять победил. Наверное, так будет и с его последней работой — одноактным балетом «Иудино дерево» (музыку к нему написал известный композитор Брайен Илайес). Этот балет, эротический, жестокий, о том, что одно предательство неизбежно влечет за собой другие.

...Я ставлю кассету с записью «Зимних грез». Музыка — Чайковского, «сюжет» — Чехова, «Три сестры». И у меня наворачиваются слезы на глаза. Как он сумел передать в этом крошечном балете дух чеховской пьесы, русскую щемлящую тоску и боль души! Мне только жаль, что не я это танцую. Мне так жаль, что никогда больше не увижу человека, у которого были такие чудесные грезы...